

Е. В. БОДРОВА

**О причинах роста
национального
сепаратизма
на Северном Кавказе
в годы войны**

Анализируя межнациональные конфликты, в частности на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны, отечественные исследователи ввели в научный оборот понятие этнонационального статуса, указывающего место социально-этнических общностей в советском или современном российском обществе. Рассматриваемый статус характеризуется рядом объективных факторов. В их числе, форма вхождения народа в федерацию, степень признания его равнозначным и равноправным в сообществе народов, включенность представителей народа во властные структуры, степень совпадения самооценки социально-этнической общности и оценки со стороны окружающих ее народов. Низкий уровень этого статуса порождает чувство национальной ущемленности¹.

В переломные моменты обострения межнациональных противоречий повышается уровень неудовлетворенности народов защитными функциями государства в регулировании межнациональных отношений. Чаще всего в этом случае народы прибегают к специфическому защитному механизму — обращению к своему историческому прошлому. Усиливаются движения за национально-территориальное самоопределение, имеющие целью таким образом разрешить статусные противоречия. Запаздывание с преодолением последних способствует формированию все более негативных стереотипов «врага», олицетворяющего метрополию, и все более позитивные стереотипы собственной общ-

ности. Дальнейшее развитие этого процесса подводит к противостоянию народов в лице конкретных представителей национальных движений.

Отметим особенности северокавказского региона, традиционно отличающегося повышенной этносоциальной и конфессиональной напряженностью, Кардинальные преобразования в горных районах Северного Кавказа в межвоенный период не всегда учитывали национальную специфику, приводили к новым противоречиям во взаимоотношениях значительной части населения и власти. Попытка унифицировать все процессы, происходящие в различных сферах жизни, радикальные преобразования, проходившие с трудом в центральных областях России (индустриализация, коллективизация, культурная революция), посягнули на традиционные и незываемые для народов Северного Кавказа понятия такие, как нормы родового права, тейповая структура общества, политический нигилизм при абсолютной пронизанности идеями религии всех сторон общественной жизни².

В ответ вспыхивают многочисленные антисоветские выступления в Чечне, Дагестане, Карачае, для подавления которых начала привлекаться армия. Серьезные просчеты, искривления и перегибы в управленческой деятельности, реформирование определенных сфер общественной жизни, незнание истинной обстановки, игнорирование культурной, национальной специфики нередко стали исправляться силовыми методами, репрессиями. Политическое руководство стра-

¹ См.: Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 73.

² Марченко Г. В. Государственная национальная политика СССР на Северном Кавказе (1917–1945 гг.): военно-исторический аспект: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. С. 22.

ны перешло к курсу на жесткую централизацию, унификацию проводимых мероприятий. В северокавказском регионе такой подход только осложнил ситуацию. Резкий рост антисоветских повстанческих выступлений значительной части горского населения в этот период был обусловлен серьезными внутриполитическими противоречиями в стране. Изменились и лозунги повстанцев — от протеста против отдельных нововведений до выступлений против самой власти. Это в свою очередь вызывало массированное применение армии и более активную деятельность спецслужб (ОГПУ, НКВД). Репрессии в отношении населения стали носить огульный характер, что приводило к новой волне протеста. В ряде восстаний против Советской власти в Чечне и Дагестане принимали участие женщины, чего не было даже в годы Кавказской войны.

Массовые репрессии второй половины 30-х гг. XX столетия, коснувшиеся большей части партийно-хозяйственной номенклатуры, особенно в Чечено-Ингушетии, Карачае и Кабардино-Балкарии, вызвали рост вооруженных выступлений в предвоенные годы, в горы для подготовки террористических актов стали уходить те, кто прежде сохранял нейтралитет или даже сотрудничал с властью. Например, в Чечено-Ингушетии при сокращении численности организации ВКП(б) происходила реорганизация недавних разрозненных повстанческих групп в хорошо организованные крупные вооруженные формирования¹.

В то же время исследователи справедливо подчеркивают, что там, где культура межнационального общения формировалась без деформации, и при этом учитывались различные специфические особенности региона, массового сознания, преобразования 20–30-х гг. воспринимались местным населе-

нием как свидетельство искренности новых властей в обустройстве народов и территории (Северная Осетия, Кабарда, Черкесия). Так, когда в 1926 г. возникла конфликтная ситуация, указом ВЦИК РСФСР Карачаево-Черкесская автономная область была разделена на карачаевскую и черкесскую автономии с формулировкой «ввиду невозможности их совместного проживания».

В эти годы межнациональный конфликт в Карачаево-Черкесии был разрешен благодаря готовности народов идти на уступки. Черкесы, абазины и часть русского населения согласились на образование не автономной области, а национального округа, который был преобразован в Черкесскую автономную область в 1930 г. Факт разделения области на две самостоятельные автономии стал основой разрешения многолетнего межнационального конфликта². И что примечательно, расширились связи между карачаевцами, черкесами, абазинами, русскими, ногайцами и другими народами. Области соревновались за лучшие трудовые достижения, повышение уровня социального развития народов. Увеличилось число смешанных браков: в Черкесской области было зафиксировано: 75 черкесско-карачаевских, 28 абазино-карачаевских семей, в 1938 г. подобных семей было создано соответственно 132 и 63³.

Идеология и политика интернационализма, дружбы народов СССР в предвоенные годы определялись официальной пропагандой, исходя из теоретических положений и догм марксизма-ленинизма в сталинской интерпретации. «Раньше принято было думать, что единственным методом освобождения угнетенных народов является метод буржуазного национализма, метод отпадения наций друг от друга, метод их разъединения, метод усиления национальной вражды между трудящимися массами различных

¹ Марченко Г. В. Государственная национальная политика СССР на Северном Кавказе (1917–1945 гг.): военно-исторический аспект: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. С. 24.

² Нахушев В. Ш. Российское Отечество и драма патриотизма многонационального народа. Ставрополь-Черкесск, 2001. С. 46.

³ Казимов К. М. Межнациональные браки на Северном Кавказе. Грозный, 1963. С. 87.

наций. Теперь эту легенду нужно считать опровергнутой. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле возможность и целесообразность пролетарского, интернационального метода освобождения угнетенных народов как единственно правильного метода, показав на деле возможность и целесообразность братского союза рабочих и крестьян самых различных народов на началах добровольности и интернационализма»¹, — утверждал центральный орган Орджоникидзевского крайкома партии.

Идеология интернационализма в предвоенные годы исходила из тезиса, что в условиях социализма национальное равенство, равноправие людей любой нации и расы достигло своей высшей формы — дружбы народов, являющейся одной из движущих сил советского общества². Непобедимый союз народов, добровольный и честный союз народов СССР представлялся как основа могучего многонационального социалистического государства. «...Дружба между народами СССР — большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует. Можете не сомневаться в этом, товарищи»³, — говорил И. В. Сталин.

Формирование патриотического и интернационалистического массового сознания, чувств и настроений людей на Северном Кавказе достигалось не только пропагандой и агитацией, просвещением, значение которых было велико, но и убеждением, опытом и конкретным примером, активным включением людей в решение хозяйственных и оборонных задач. Патриотизм и интернационализм отождествлялись как с героическими поступками на ратном и трудовом фронтах,

так и с ответственным выполнением повседневных дел и обязанностей, дисциплинированностью, стойкостью и оптимизмом, неистребимой верой в победу социализма. «Защита социалистического государства включает и честный, самоотверженный труд каждого на своем посту для укрепления обороноспособности страны и неприкосновенности ее границ»⁴, — отмечал теоретический орган компартии журнал «Большевик».

В работе по усилению патриотизма и интернационализма на местах и в, частности, на Северном Кавказе, старались отразить не только указания центра, но и историческое и региональное, национальное своеобразие, семейно-бытовые обычаи и традиции, возрастные, образовательные и другие особенности. Для молодежи здесь проводились собрания, доклады и беседы по истории края, красоте родных мест, истории совместной борьбы русского и местных народов против поработителей. В целях воспитания у молодежи волевого характера, физической закалки, смелости, ловкости и мужества возрождались традиционные народные состязания, соревнования по силе и ловкости. В этой работе в первую очередь опирались на тысячелетние патриотические традиции народов Северного Кавказа.

Деятельность централизованной системы по формированию патриотического и интернационального сознания советского народа, а также реальные достижения страны Советов создали феномен советского патриотизма, сила и жизненность которого в полной мере были проявлены в годы Великой Отечественной войны и выразились в добровольном массовом вступлении в Красную Армию, в формировании народного ополчения, развертывании сопротивления врагу на оккупированной территории.

С первых дней войны в военные комиссары Северного Кавказа, как и по всей стра-

¹ Орджоникидзевская правда. 1941, 12 июня.

² Там же.

³ Социалистическая Кабардино-Балкария. 1937, 30 декабря.

⁴ Большевик. 1941. № 1. С. 35.

не, непрерывным потоком шли заявления, в которых выражалось желание добровольно вступить в Красную Армию и отправиться на фронт.

Одним из первых в Адыгее подал заявление А. Поличенко. Он написал: «С 1918 года по 1922 год находился в рядах Красной Армии, защищал свою Родину. Сейчас, когда обнаглевший враг нарушил неприкосновенность наших рубежей, считаю своим долгом быть в рядах действующей армии. Клянусь, что за дело своей Родины и партии не буду щадить своих сил и жизни»¹.

В Краснодарском крае к 9 июля 1941 г. поступило 12 тыс. таких заявлений, а к концу месяца их насчитывалось уже более 17 тыс.² Движение за добровольное вступление в действующую армию носило подлинно массовый характер. Оно охватило все без исключения города, области, республики Северного Кавказа.

Большую активность проявили девушки за первые три месяца войны. Только от девушек Краснодарского и Ставропольского краев, Северной Осетии, Карачая, Черкесии, Адыгеи, Кабардино-Балкарии поступило более 50 тыс. заявлений³.

Создание добровольческих формирований в стране в период войны было не случайным, а закономерным явлением, имеющим в отечественной истории глубокие корни. Добровольческое движение отличалось высоким размахом и активностью, являлось одной из самых убедительных форм боевой и политической активности граждан нашей страны в помощь фронту. В условиях сталинской административной системы национальный патриотизм народа сумел найти в движении добровольцев на фронт свое наиболее адекватное проявление. По оценкам

историков, из числа добровольцев в народные формирования всех типов вступило за годы войны более 4 миллионов человек⁴.

В первые дни войны на Северном Кавказе, как и по всей стране, были развернуты десятки мобилизационных пунктов. После образования Государственного Комитета Обороны были образованы областные комитеты обороны под председательством первых секретарей обкомов ВКП(б). Они возглавили в автономных республиках и областях всю работу по оказанию всемерной помощи фронту⁵. Главными направлениями в их работе стали военно-мобилизационные вопросы и важнейшие мероприятия по усилению помощи Красной Армии.

Воины-коммунисты и беспартийные из городов и аулов Северного Кавказа снискали себе славу на полях сражений уже с первых дней Великой Отечественной войны. Удалось установить, что в обороне Брестской крепости принимали участие не менее 240 чеченцев и ингушей⁶. Лишь единицам из них удалось вернуться живыми из цитадели крепости и трех ее укрепрайонов — Кобринского, Тереспольского и Холмского. В легендарной Брестской крепости сражались и героически погибли адыгейцы А. Баете и Ю. Схаляхо. Были в числе защитников и призывники из Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии. Сыновья народов Северного Кавказа активно участвовали и в битве за Москву.

На основе решения ГКО от 13 ноября 1941 г. о формировании национальных частей и соединений в составе Красной Армии командование Северокавказского военного округа приняло решение о формировании 110-й кавалерийской дивизии в Калмыцкой АССР, 114-й кавалерийской дивизии в Чечено-Ин-

¹ Адыгейская правда. 1941, 23 июня.

² Документы отваги и героизма: Кубань в Великой Отечественной войне. 1941–1945: Сб. док. и мат. Краснодар, 1965. С. 29.

³ Там же. С. 24; Северо-Осетинская парторганизация в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и мат. Орджоникидзе, 1966. С. 77.

⁴ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 183.

⁵ Большевик (Краснодар). 1941, 24 июня.

⁶ Ошаев Х. Брест — орешек огненный. Грозный, 1990. С. 8.

гушской АССР и 115-й кавалерийской дивизии Кабардино-Балкарской АССР. Для формирования дивизий в качестве командиров и политработников направлялись опытные кавалеристы, наиболее авторитетные активисты республиканских учреждений¹. Была проведена активная кампания по вовлечению местного населения в организуемые национальные кавалерийские части. Весной 1942 г. действующую армию пополнил 255-й отдельный чечено-ингушский кавалерийский полк, сражавшийся на Брянском и Южных фронтах².

В конце 1941 и начале 1942 г. в республиках и краях Северного Кавказа были сформированы на Кубани — 17-й Кубанский кавалерийский корпус, Дагестане — 91-я стрелковая дивизия, Адыгее — 29-й кавалерийский полк, на Ставрополье — 53-я кавалерийская дивизия, входившая в корпус генерала Доватора, 70-я Ставропольская имени Блинова, 343-я стрелковая дивизия. Всего на Северном Кавказе было сформировано свыше 16 национальных соединений за счет внутренних ресурсов республик, областей и краев³. Они рассматривались как составная часть сражавшейся с врагом Красной Армии и направлялись в них лучшие кадры и материальные средства.

Значение национальных соединений в том, что все народы поднялись на борьбу с фашизмом, они продемонстрировали свое монолитное единство и сплоченность. Все это свидетельствовало о торжестве идей дружбы и братства народов, о крушении надежд фашистов на раскол единства Советского государства.

Анализ документов и материалов, введенных в оборот в последнее время, позволяет

выявить и значительные просчеты, допущенные при проведении военно-мобилизационных мероприятий.

Акты дезертирства имели место в первую очередь в национальных дивизиях, которые были укомплектованы уроженцами Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии. О серьезности ситуации с призывом в Красную Армию местного населения и развитии дезертирства говорит тот факт, что в Чечне в начале войны 63% призванных в армию мужчин ушли с оружием в горы и образовали там мятежные отряды во главе с партийными руководителями и работниками НКВД⁴. Исследование показало, что в ситуации, сложившейся с призывом в армию на Кавказе, во многом повинны были местные власти, занимавшиеся проведением этой кампании. Нередко призыву подлежали мужчины, непригодные к службе, в том числе старики и инвалиды. Ожидая отправки в войска, они иногда сутками сидели в военкоматах на голодном пайке, а затем расходились по домам или скрывались в горах.

Когда с начала августа и до декабря 1942 г. на территории Кавказа шли ожесточенные бои с фашистскими войсками, советское командование вновь столкнулось с проблемой дезертирства. Особенно значительные размеры оно приняло в грузинских, азербайджанских и армянских национальных дивизиях, входивших в состав войск Закавказского фронта. Бойцы и младшие командиры этих дивизий в своем подавляющем большинстве не знали русского языка, а часть вообще была неграмотной. Многие красноармейцы еще не принимали участия в боях. Политико-воспитательная работа была запущена. Имели место случаи, когда на передовые позиции

¹ Кирсанов Н. А. В боевом строю народов-братьев. М., 1984. С. 63–64.

² Там же. С. 86.

³ Филькин В. И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Грозный, 1960. С. 42; Шайдаев М. Г. Партия — организатор патриотического движения трудящихся Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1975. С. 61–66; Сборник трудов института истории, экономики и литературы Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1976. Т. 31. С. 37.

⁴ См.: Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга первая: От начала до Великой Победы. М., 2002. С. 607.

пища и питьевая вода не доставлялась по несколько суток. Две дивизии — 849-я армянская и 223-я азербайджанская из-за небоеспособности были даже отведены в тыл. Такое же плачевное положение наблюдалось в 392-й грузинской дивизии. В общей сложности из этих трех дивизий дезертировало более 680 солдат и офицеров¹.

Война выступила и своеобразным катализатором серьезнейшего испытания на прочность государственного организма Советского Союза. Вооруженное противостояние в северокавказском регионе в годы войны достигло наивысшей точки. Вторжение Германии обострило противоречия государственной национальной политики, толкнув часть населения на сторону врага.

Рост национальной сепаратизма был вызван ослаблением центральной и местной власти, отступлением частей действующей армии. В ряде горных районов осенью 1941 г. вспыхнули восстания, а уклонение от воинской службы приобрело массовый характер. Дезертиры из частей РККА, расположенных в регионе, насчитывались сотнями².

Летом 1942 г. Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, небольшая территория Ингушетии, часть Северной Осетии, Краснодарский и Ставропольский края оказались в зоне немецкой оккупации. Преждевременное отступление советских войск из этих районов не позволило создать в тылу у фашистских войск хорошо организованное подполье, подготовленные и технически оснащенные партизанские отряды. Сказались также допущенные кадровые ошибки и субъективные просчеты в руководстве партизанским движением в Ставрополье со стороны местных партийных комитетов.

Исследование показало, что определенная часть населения Северного Кавказа пе-

решла на сторону врага. Одной из самых массовых форм сотрудничества представителей народов Кавказа с фашистами было их участие в военных и вспомогательных формированиях вермахта. Причин и обстоятельств, заставивших немецкое командование пойти на формирование восточных легионов, было несколько: большие потери на фронте и нехватка сил для борьбы с партизанами и охраны тыла. До мая 1942 г. гитлеровскому командованию удалось сформировать для Северо-Кавказского легиона 7 пехотных батальонов. Их боевые качества нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, имеются многочисленные свидетельства нежелания легионеров сражаться против советских войск и неоднократные случаи их перехода на сторону Красной Армии. С другой — в составе восточных легионов были и вполне боеспособные батальоны³.

Формировались и казачьи части: за счет набора добровольцев, путем принудительных мобилизаций, привлечением военнопленных из концлагерей. К декабрю 1942 г. фашисты смогли создать шесть полков, шесть дивизионов и два эскадрона казаков общей численностью 10 тыс. человек. Боеспособность этих соединений была достаточно высокой. Но, как свидетельствуют документы и материалы, большая часть казачества осталась верной Советской власти⁴.

Не следует переоценивать степень действенности фашистской пропаганды на население оккупированных территорий. И в то же время объективный анализ материалов и документов позволяет утверждать, что задолго до захвата Северного Кавказа руководство фашистской Германии приступило к разработке своих специальных планов по его оккупации и последующему проведению здесь своеобразной политики, отличной от

¹ Кавказ.1943–1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. №8. С. 39.

² Марченко Г. В. Государственная национальная политика СССР на Северном Кавказе (1917–1945 гг.): военно-исторический аспект: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2004. С. 26.

³ Напсо Н. Т. Восточные легионы в вермахте в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2000. С. 24.

⁴ Донские казаки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. проф. Ю. Г. Волкова. Ростов-на-Дону, 1998. С. 332.

той, которая осуществлялась на других оккупированных вермахтом территориях СССР. Основные положения этой политики подвергались пересмотру и дорабатывались в течение первого года войны в направлении дальнейшей либерализации с целью более активного привлечения местного многонационального населения Северо-Кавказского региона к сотрудничеству с оккупационной немецкой властью.

Как и на других захваченных советских землях, оккупанты создали военную и административную систему управления, под контролем которой оказались все стороны жизни местного населения, развитие промышленности, сельского хозяйства, социально-культурная сфера. Своим содержанием и направлениями, подходами немецких властей к решению многих проблем развития региона оккупационная политика на Кавказе существенно отличалась от аналогичной политики на других временно захваченных территориях СССР¹.

Для привлечения на свою сторону многонационального населения Северного Кавказа оккупантами был осуществлен целый ряд мероприятий социально-экономического характера, способствовавших поддержанию жизни местных жителей на приемлемом даже в условиях войны уровне. Экономическая и социальная политика, осуществлявшаяся оккупантами на захваченной территории Северного Кавказа, была тщательно продуманной и привлекательной для местного населения. Наряду с нацистскими установками развития экономики, ее содержание и основные направления демонстративно копировали дореволюционные порядки в России. Основой такой политики был возврат к частной собственности, свободному предпринимательству, безработице и другим ключевым положениям рыночной экономики. Оккупационные власти поддерживали в рабочем состоянии системы образования и здравоохранения, трудоустраивали остав-

шиеся без работы городское население. На оккупированных землях Кавказа произошел всплеск религиозной жизни, в которой гитлеровцы видели мощный противовес коммунистической идеологии.

Все эти и другие действия немецких властей не могли не получить одобрения у части местного населения. Наряду с ней на умы и настроения части советских граждан действовал одновременно и фактор неприятия сталинского режима. Идеиные противники советской власти лишь ожидали прихода немецкой армии, чтобы открыто перейти затем на ее сторону.

Оккупация привела к появлению на Северном Кавказе такого неперемного атрибута военного времени, как коллаборационизм. Его формы и проявления были различными, вызванными столь же многочисленными причинами, в силу которых отдельные категории населения Северного Кавказа перешли в лагерь врага. Антисоветски настроенные националистические представители горских народов и казачества поддались соблазну сотрудничать с гитлеровцами, обещавшими им освобождение от сталинской власти и создание государственных образований в составе третьего рейха.

Но все же большинство коллаборационистов пошли на сотрудничество с фашистами не по идейным соображениям, а под воздействием тяжелых условий жизни в период оккупации. «Пассивный», вынужденный коллаборационизм являлся преобладающим. По мере нарастания неудач для немецкой армии в сражениях с советскими войсками количество лиц, желавших сотрудничать с врагом, неуклонно снижалось.

По своему размаху и числу участников коллаборационизм на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны оказался одним из самых масштабных на оккупированных фашистами территориях Советского Союза. Создание прогерманских структур власти из числа эмигрантов и лидеров анти-

¹ См.: Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 — октябрь 1943 гг.). Ростов-на-Дону, 2003. С. 55.

советских выступлений в 30-е гг., акции устрашения против патриотических сил и использование при этом части местного населения — все это подтолкнуло руководство СССР к принятию решения о депортации карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев в 1943–1944 гг.

Надо признать, что в период наших военных неудач на Северном Кавказе летом 1942 г. в ходе оккупации и первые месяцы после изгнания фашистов последним удалось привлечь на свою сторону, по различным подсчетам, около 15 тыс. человек населения¹, т. е. не более 2% (сведения Ю. Теплякова) или 4–5% (как утверждает М. М. Ибрагимов)² от всего населения Северного Кавказа. Отмечая случаи дезертирства (так, только за период с июня 1941 по апрель 1942 гг. из числа призванных в РККА и трудовые батальоны чеченцев дезертировало и уклонилось от службы 1500 чел.)³, недостаточно эффективное противодействие врагу соединений и воинских частей, сформированных в северокавказских автономиях, исследователи этой проблемы в большинстве своем убеждены в несостоятельности подобных обвинений целых народов.

Население Северо-Кавказского региона активно помогало фронту, огромное число офицеров и солдат из числа призванных и ушедших на фронт добровольно героически сражались, защищая малую и большую Родину, руководили крупными партизански-

ми отрядами в Белоруссии, на Смоленщине и Брянщине. Причем трое из них — горцы — стали впоследствии Героями Советского Союза⁴. Всего 950 человек уроженцев Кавказа стали Героями Советского Союза⁵. В их числе представители более 60 наций и народностей. По подсчетам историков, Северная Осетия дала 37, Дагестан — 30, Чечено-Ингушетия — 19, Кабардино-Балкария — 32 Героя и т. д.⁶

В связи с этим утверждения некоторых отечественных и зарубежных авторов о том, что советская национальная политика в регионе в годы войны не выдержала испытания, а горское население чуть ли не поголовно пошло на массовое сотрудничество с фашистами и победа была достигнута «вопреки бесчеловечной системе»⁷, вызывают сомнения. Победа в самой тяжелой и драматичной войне, которую когда-либо вела Россия, была достигнута благодаря многонациональному союзу, который складывался веками. Причем единение кавказских народов в составе Советского государства выдержало испытание на прочность. Скорее можно согласиться с выводами таких исследователей, как Г. В. Марченко, М. М. Ибрагимов, М. И. Гиоев и др. о том, что сепаратизм окраин, центробежные тенденции, национальная неприязнь, больше носившая бытовой характер, — все это имело место в регионе в годы войны, но не приобрело массового характера.

¹ Тепляков Ю. По ту сторону фронта // Московские новости. 1990, 13 мая. С. 8–9; Молодость Сибири. 1990. №23. С. 20.

² Ибрагимов М. М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: (На примере национальных республик Северного Кавказа). М., 1999. С. 450.

³ И. Сталин — Л. Берии: «Их надо депортировать»: (Документы факты, комментарии). М., 1992. С. 98.

⁴ Нежинский В. А. Звезды героев: Очерки. Черкесск, 1985. С. 18–19; Так это было: Национальные репрессии в СССР: В 3-х т. М., 1993. С. 22–23; Ибрагимов М. М. Указ. соч., Марченко Г. В. Указ. соч. и др.

⁵ См. Тепун П. Д. Национальный фактор в битве за Кавказ // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Проблемы историографии. СПб., 1996. С. 107.

⁶ Великое братство: (Феномен единства народов России в годы Великой Отечественной войны). Пушкин, 1993. С. 85.

⁷ Приставкин А. Ночевала тучка золотая: Повести и рассказы. М., 1990; Волкогонов Д. Мы победили вопреки бесчеловечной системе // Известия. 1993. №86; Hoffman J. Deutsch und Kalmyken. S. 167 и др.